

АНГЛИКАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.)

И. В. АМБАРЦУМОВ

В статье рассматривается положение англиканского вероисповедания в Российской империи в конце XIX — начале XX в., приводятся сведения о количестве приходов и их местоположении, числе прихожан и соотношении в рамках этого числа российских и британских подданных. Раскрывается специфика статуса российских англиканских приходов, которые не были включены в общеимперскую систему управления инославными исповеданиями, а пользовались экстерриториальными правами, находясь под патронажем британского посольства. Описываются проблемы правового характера, с которыми сталкивались проживавшие в России англикане в связи с необычным статусом своей конфессии, в том числе затруднения при свидетельствовании метрических документов и разрешении бракоразводных дел, неясность порядка перехода англикан в другие протестантские исповедания, невозможность приобретения англиканскими приходами имущества на свое имя. Рассказывается о попытках российских правящих кругов урегулировать эти проблемы путем разработки проекта закона об Англиканской Церкви, который должен был подчинить ее ведению Министерства внутренних дел наравне с прочими инославными исповеданиями в России. Затрагивается вопрос об экуменических контактах между Англиканской и Православной Церквями и их возможном влиянии на политику российских властей по отношению к англиканскому вероисповеданию. Статья основана на материалах Российского государственного исторического архива, она содержит ссылки на опубликованный в 1911 г. очерк С. Д. Бондаря «Англиканская епископальная церковь» и статьи в современных научных и энциклопедических изданиях, посвященные протестантским конфессиям в России.

Англиканская Церковь представляет собой основную национальную конфессию английского народа. Она также имеет распространение в ряде англоязычных стран (в частности в США, где эта Церковь именуется епископальной) и бывших британских колоний. Англиканство считается наиболее умеренной ветвью протестантизма. В вероучении, церковном устройстве и обрядовой практике данной конфессии сохраняется большое количество черт, унаследованных от католичества. В конце XIX в. среди части англикан возникло стремление к сближению с православием, результатом чего стало начало богословского диалога, который продолжается по настоящее время, но не привел до сих пор к каким-либо существенным результатам. Впрочем, исследование особенностей англиканского богословия не входит в задачи настоящего очерка. Целью его является рассмотрение того положения, которое занимали общины верующих англикан

(главным образом выходцев из Великобритании) в рамках российской государственной и правовой системы.

История англиканского исповедания в России остается на сегодняшний день практически неисследованной. Единственным сочинением, в котором затрагивается вопрос о положении российских англиканских общин, является опубликованная в 1911 г. небольшая брошюра чиновника особых поручений при Департаменте духовных дел иностранных исповеданий С. Д. Бондаря¹. Сведения, приводимые в данной брошюре, весьма неполны и фрагментарны. В настоящей статье на основе архивных документов рассматриваются различные аспекты правового и общественного статуса Англиканской Церкви, ее духовенства и прихожан в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Таким образом, предпринимается попытка хотя бы отчасти восполнить пробел, существующий в отечественной историографии.

В первую очередь следует отметить, что статус Англиканской Церкви в Российской империи принципиальным образом отличался от статуса большинства других инославных христианских исповеданий. На рубеже XIX–XX вв. все официально признанные в России неправославные христианские конфессии состояли в ведении Департамента духовных дел иностранных исповеданий, входившего в состав Министерства внутренних дел. Статус этих конфессий регулировался Сводом законов Российской империи, в первую очередь частью 1 тома XI данного свода, которая носила название «Уставы духовных дел иностранных исповеданий». Согласно Уставам духовных дел в редакции 1896 г. легальный статус в империи имели следующие неправославные христианские исповедания: римско-католическое², армяно-католическое³, евангелическо-лютеранское⁴, евангелическо-аугсбургское⁵, евангелическо-реформатское⁶, меннонитское⁷, баптистское⁸ и армяно-григорианское⁹. Официальное признание имели также несколько обособленных протестантских сообществ локального характера, не входившие в состав ни одного из перечисленных исповеданий: общество так называемых швабских сепаратистов или закавказских колонистов на территории Грузии¹⁰, шотландская колония Каррас Пятигорского округа Терской области, основанная в начале XIX в. миссионерами Эдинбургского библейского общества¹¹, община базельских миссионеров в Шуше¹² и община колонии Гнаденбург

¹ См.: *Бондарь С. Д.* Англиканская епископальная церковь. Записка. СПб., 1911.

² См.: Свод законов Российской империи (далее — СЗРИ). Т. XI. Ч. 1. № 16–237.

³ Там же. № 238–251.

⁴ Там же. № 252–898, 1060–1086.

⁵ Там же. № 899–983.

⁶ Там же. № 984–1035.

⁷ Там же. № 1104–1105.

⁸ Там же. № 1106–1108.

⁹ Там же. № 1109–1260.

¹⁰ Там же. № 1060–1086; *Бобылев А., Штриккер Г.* Евангелическо-лютеранская церковь. // Немцы России: Энциклопедия. Т. 1 (А–И). М., 1999. С. 753.

¹¹ СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. № 1100 (а), 1101, 1102; *Краснокутская Л. И.* Из истории шотландской колонии Каррас // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время: Тезисы конференции 30–31 мая 2000 г. С. 111–114. Пятигорск, 2000. С. 111–114.

¹² СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. 1102–1103.

Владикавказского округа Терской области¹³. Признанные инославные исповедания и религиозные общества были включены в имперскую государственную систему. Закон определял многие элементы их внутреннего церковного устройства, порядок назначения священнослужителей (которое осуществлялось с санкции светских властей), образования новых приходов, приобретения церковными общинами имущества и т. д.

Англиканская Церковь не входила в описанную систему управления инославными исповеданиями. Формально англиканство даже не имело в России официального признания, в русских законах об этой конфессии вообще не упоминалось. При этом фактически приходы Англиканской Церкви существовали в Российской империи со времен Петра I. К началу XX в. их было всего семь: в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, Архангельске, Риге, Варшаве и Либаве. В 1905 г. был также открыт с высочайшего соизволения англиканский приход в Баку¹⁴. Крупнейшая в России англиканская община существовала в рабочем поселке Юзовка (ныне город Донецк). Членами данной общины являлись управляющие, инженеры, мастера и служащие Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производств, основанного британским промышленником Джоном Хьюзом. Поскольку Англиканской Церкви в Юзовке не было, богослужения там совершались в зале училища Новороссийского общества священником, который приезжал несколько раз в год из Одессы (причем на каждый такой проезд надо было испрашивать правительственное разрешение)¹⁵.

В отличие от прочих инославных религиозных обществ, российские приходы Англиканской Церкви не были подчинены МВД, а находились под покровительством британского посольства, пользуясь правами экстерриториальности как своего рода представительства иностранного государства. Подобный статус для англиканских общин обеспечивался не законодательными актами, а негласными соглашениями между российскими и британскими властями. Англиканские приходы на территории Российской империи находились в ведении двух епископов Церкви Англии. Приходы в северной и средней России (санкт-петербургский, московский, архангельский, варшавский, либавский и рижский) подчинялись епископу лондонскому, в южной России (одесский и бакинский) — епископу гибралтарскому.

Английские епископы периодически навещали подведомственные им российские приходы для наблюдения за порядком церковной жизни и совершения обряда конфирмации (который у англикан, как и у католиков, совершается духовными лицами, имеющими епископский сан). К примеру, Уильям Коллинз, возглавлявший гибралтарскую епархию в 1904–1911 гг., имел обыкновение посещать российскую паству каждые три года. В частности, известно о его пребывании в России в 1909 г. О разрешении приезда гибралтарского епископа британский посол каждый раз предварительно возбуждал ходатайство перед МВД через Второй департамент МИДа. Министерство внутренних дел эти ходатайства всякий раз удовлетворяло и через Департамент духовных дел сообщало о

¹³ СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. № 1100 (6).

¹⁴ См.: *Бондарь*. Указ. соч. С. 86.

¹⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1017. Л. 150–150 об.

предстоящем визите епископа местным гражданским властям. Также известно о приезде в Россию в 1908 г. лондонского епископа Артура Виннингтон-Ингрэма, который посещал англиканские церкви в Санкт-Петербурге, Москве и Варшаве и был удостоен аудиенции у Николая II. В связи с этим визитом, как отмечалось в справке Департамента духовных дел, «никаких сношений с Министерством иностранных дел и с местными властями со стороны Министерства внутренних дел не производилось»¹⁶. В 1911 г. в Россию приезжал помощник лондонского епископа и епископ для северной Европы Герберт Бьюри, который посетил, в частности, Варшаву и Ригу. При этом лифляндским губернатором и варшавским генерал-губернатором делались предварительные запросы в Департамент духовных дел о том, видят ли центральные власти какие-либо препятствия к приезду англиканского иерарха¹⁷.

Назначение священнослужителей в англиканские приходы Санкт-Петербурга и Москвы осуществлялось непосредственно британским послом. Для остальных англиканских приходов в империи (кроме варшавского) пасторы назначались английскими епископами, в чьем ведении эти приходы состояли. При этом практиковался следующий порядок. Британский посол извещал российское правительство о назначении лондонским или гибралтарским епископом того или иного пастора на приходскую должность и ходатайствовал о допущении его к исполнению священнических обязанностей. В ответ Министерство внутренних дел через Департамент духовных дел каждый раз отвечало, что не встречает препятствий к допущению названного лица к должности, и ставило об этом в известность местное гражданское начальство¹⁸. В особом положении находился варшавский англиканский приход. Он был основан английскими миссионерами с разрешения российских властей с целью обращения в христианство евреев. Назначение пасторов для варшавской англиканской церкви осуществлялось Лондонским миссионерским обществом распространения христианства между евреями. Общество извещало о состоявшемся назначении министра внутренних дел, а последний уведомлял варшавского генерал-губернатора¹⁹. В отличие от пасторов прочих протестантских церквей англиканские священнослужители не обязаны были при назначении на российские приходы принимать русское подданство²⁰.

Экстерриториальный статус англиканских приходов объяснялся тем, что приходы эти изначально созданы были не для окормления русских подданных, а для удовлетворения духовных потребностей временно проживавших в России подданных Великобритании. Законодательное признание Католической, Лютеранской и Армяно-Григорианской Церквей и их интеграция в российскую государственную систему были обусловлены во многом тем, что в течение XVIII—XIX вв. в состав империи вошли регионы со значительным количеством населения соответствующих исповеданий (лютеранского — остзейские губер-

¹⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1017. Л. 13.

¹⁷ Там же. Л. 9–11.

¹⁸ Там же. Л. 6 об., 150 об.

¹⁹ Там же. Л. 12 об. — 13.

²⁰ Там же. Л. 150 об.

нии, католического — Литва, Белоруссия, правобережная Украина, Польша, армяно-григорианского — Закавказье). При этом территории со сколько-нибудь существенным процентом англиканского населения в состав Российской государства никогда не входили. Также, в силу ряда исторических обстоятельств, выходцы из Великобритании, исповедовавшие англиканство, селились и натурализовались в России реже, чем выходцы из Франции и германских государств, исповедовавшие католичество, лютеранство и реформатство. Тем не менее к концу XIX — началу XX в. имелось уже не столь малое количество англикан, приобретших подданство Российской империи. Кроме того, многие британские подданные англиканского исповедания проживали на территории России в течение довольно долгого времени и должны были периодически иметь дело с русскими властными и судебными инстанциями. Специфический статус Англиканской Церкви создавал для таких лиц ряд серьезных проблем, о которых будет сказано ниже.

Согласно переписи 1897 г., общее количество англикан в России составило всего 4183 человека²¹. Данные Департамента духовных дел на 1907 г. содержат значительно бóльшую цифру; согласно им, в России к тому моменту проживало около 10 тыс. англикан, из которых русскими подданными являлись 300–400 человек²². Существуют также данные по отдельным приходам, сообщенные губернаторами и градоначальниками в ответ на запрос МВД в 1906 г. Так, в Санкт-Петербургском приходе было около 2 тыс. прихожан, из которых лишь 120 являлись российскими подданными; в Одесском приходе из 300 прихожан российскими подданными являлись шесть; в Баку в числе 88 прихожан было две англичанки, получившие русское подданство в связи с замужеством, остальные же являлись подданными Великобритании; в Варшаве было 200 прихожан-британцев и пять русских подданных; в Архангельском англиканском приходе было всего 10 прихожан и все британские подданные; в Рижском — 200 прихожан британских подданных и ни одного российского²³. Англиканская община в Юзовке, по данным Департамента духовных дел за 1907 г., насчитывала свыше 2,5 тыс. человек (имелись ли среди них русские подданные — неизвестно)²⁴. Как отмечалось в объяснительной записке статского советника Н. Н. Бордоноса к проекту положения об англиканских общинах, «в портовых городах число англикан увеличивается во время навигации прибывающими моряками»²⁵.

Исключенность Англиканской Церкви из общего порядка управления неправославными исповеданиями порождала ряд юридических казусов и затруднений. Поскольку англиканское духовенство не подчинялось российским гражданским властям, оно нередко уклонялось от выполнения государственно значимых функций, которые были обязательны для духовенства всех признанных христианских церквей. Одной из таких функций было приведение к присяге в

²¹ См.: Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / Под ред. и с предисл. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. 1. С. 250.

²² РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1017. Л. 152.

²³ Там же. Оп. 5. Д. 939. Л. 69, 71, 80, 81, 97.

²⁴ Там же. Оп. 133. Д. 1017. Л. 152.

²⁵ Там же.

войсках и в суде лиц соответствующего исповедания. Информацией о том, как приносили присягу военнослужащие, принадлежавшие к Англиканской Церкви (если таковые в русской армии вообще имелись), мы не располагаем. В то же время в одном из дел Департамента духовных дел иностранных исповеданий удалось обнаружить любопытные сведения о специфике взаимоотношений англиканского духовенства с российскими судебными учреждениями. Так, например, 11 сентября 1891 г. настоятелю англиканской церкви Санкт-Петербурга А. Е. Ватсону было направлено приглашение явиться 16 сентября в Санкт-Петербургский Военно-окружной суд для приведения к присяге свидетелей-англикан. Священник в ответ прислал записку, в которой сообщал, что не может присутствовать на суде и предлагал привести свидетелей к присяге у него на дому, как это практиковалось ранее в отношении лиц англиканского исповедания. В ответ отзывом суда от 13 сентября А. Е. Ватсону было сообщено, что в данном случае приведение свидетелей к присяге у него дома невозможно. Суд также просил настоятеля указать причину невозможности для него явиться в суд. В ответ на этот запрос священник указал в своей новой записке от 14 сентября, что англиканское духовенство до сих пор было освобождено от обязанности являться в суды, и он не хотел бы создавать прецедент, отменяющий эту привилегию²⁶. Каким образом была в конечном счете разрешена данная ситуация, неизвестно.

В российском дореволюционном уголовном праве существовала такая санкция, как церковное покаяние (оно назначалось судом как дополнение к основному наказанию за некоторые преступления). Исполнение подобного приговора возлагалось на духовенство того исповедания, к которому принадлежал осужденный. Когда к церковному покаянию присуждались лица англиканского исповедания, приговоры эти часто оставались без исполнения, так как российские гражданские власти не имели возможностей для принуждения англиканского духовенства к исполнению судебных решений²⁷.

Одной из важнейших обязанностей, возлагавшихся в Российской империи на духовных лиц всех признанных исповеданий, была регистрация актов гражданского состояния (рождений, браков и смертей) собственных прихожан. Таким образом, брачно-семейная сфера и ведение метрических записей были отданы целиком в ведение религиозных организаций. Лишь для двух религиозных групп маргинального характера — русских раскольников²⁸ и баптистов — была уста-

²⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 938. Л. 8–8 об.

²⁷ Там же. Л. 68; Там же. Д. 939. Л. 144 об.

²⁸ Раскольниками до 17 апреля 1905 г. в российском законодательстве именовались последователи старообрядчества и русского сектанства. Раскольнические вероучения не включались в число признанных инославных исповеданий, религиозные права адептов раскола были существенно ограничены по сравнению с правами не только православных, но и инославных христиан. Указом 17 апреля 1905 г. понятие «раскол» было упразднено, учения, причислявшиеся к этой категории, были официально разделены на две группы: старообрядческие согласия и секты. Указ 17 октября 1906 г. позволил старообрядцам и сектантам регистрировать собственные общины и духовных лиц и вести собственные метрические книги (Законодательные акты переходного времени, 1904–1908 гг.: сборник законов, манифестов, указов Правительствующему Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя / Под ред. пр.-доц. Н. И. Лазаревского. М., 2010. С. 36–39, 369–391).

новлена гражданская регистрация актов состояния. Браки, рождения и смерти раскольников, согласно закону 19 апреля 1874 г. (действовавшему до 1905 г.), регистрировались полицией²⁹, метрические записи баптистов, согласно правилам от 15 августа 1879 г., велись губернскими правлениями³⁰. Для англикан, живших на территории России, никакой факультативной гражданской метрификации не было предусмотрено. В то же время, поскольку Англиканская Церковь не была включена в общеимперскую систему управления религиозными конфессиями, ведение ее священнослужителями метрических записей оставалось совершенно вне государственного контроля. Когда лицу англиканского исповедания требовалось представить выписку из метрической книги (свидетельство о рождении, крещении, вступлении в брак, смерти родственника), с этим возникали определенные проблемы.

Подобные метрические выписки, согласно российским законам, должны были быть засвидетельствованы духовной консисторией соответствующего исповедания. Однако в России не существовало англиканских духовных консисторий, а потому некому было удостоверить подлинность актов, составлявшихся священниками — британскими подданными — на английском языке. Чтобы хоть как-то разрешить сложившуюся ситуацию, на территории Царства Польского свидетельство англиканских метрик было возложено на консисторию Евангелическо-Аугсбургской Церкви³¹, а на остальной территории империи — на Департамент внутренних сношений МИД³². Впрочем, на практике в некоторых случаях правительственные инстанции удовлетворялись переводом метрической выписки на русский язык с последующим нотариальным заверением. В некоторых архивных делах встречаются подобные нотариально заверенные акты. К примеру, в деле о переходе из англиканства в лютеранство жителя Санкт-Петербурга Вольфганга Блока есть справка о том, что он родился 17 (или, по европейскому календарю, 29) января 1885 г. от Вильгельма Блока и Клары Генриэтты Елены, урожденной Линдау, и был крещен 14/26 апреля того же года по англиканскому обряду в английской церкви Санкт-Петербурга. Справка была заверена 10 августа 1894 г. нотариусом Дерягиным, который удостоверял, что она представляет собой «верный перевод источника на английском языке, при сем приобщенного»³³.

Бывали случаи, когда русские подданные и проживавшие в России иностранцы подавали прошения о расторжении их браков, заключенных по англиканскому обряду. При этом возникал вопрос, какому учреждению могут быть подсудны подобные дела. Согласно российским законам, бракоразводные дела подлежали ведению духовных властей. Однако на территории Российской империи не существовало англиканских духовных управлений и церковных судов это-

²⁹ См.: Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 672–683.

³⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 780. Л. 48.

³¹ Евангелическо-Аугсбургская Церковь являлась крупнейшей из протестантских церквей Царства Польского. Ее вероучение и каноническое устройство были в общем сходными с учением и внутренним строем Евангелическо-Лютеранской Церкви, существовавшей на основной территории Российской империи.

³² РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1017. Л. 152 об.

³³ Там же. Оп. 10. Д. 508. Л. 37.

го исповедания. По сложившейся практике дела о расторжении браков англикан передавались, каждый раз с особого высочайшего изволения, на рассмотрение реформатского заседания Санкт-Петербургской евангелическо-лютеранской консистории³⁴. Причину подобной практики объяснял министр внутренних дел И. Н. Дурново в резолюции от 11 октября 1893 г. по поводу прошения британской подданной Анны-Марии Фроуд, добивавшейся рассмотрения в России иска о расторжении брака, заключенного по англиканскому обряду с Дононом-Вальтером Фроудом, также подданным Великобритании (ввиду безвестного отсутствия супруга). Министр подчеркивал, что относительно дел подобного рода «в законах наших существует пробел, ибо духовные дела лиц англиканского исповедания, судные и другие, не поручены у нас по действующим узаконениям к кругу духовенства ни одного из русских учреждений». Вместе с тем он отмечал, что «из всех исповеданий, для которых у нас существуют уже особые установления, реформатское имеет особое сходство с англиканским», и потому дело Фроуд могло быть передано реформатскому заседанию³⁵.

Временами возникали недоумения по поводу порядка перехода англикан в иные протестантские исповедания. Перемена вероисповедной принадлежности жителями Российской империи осуществлялась под контролем органов государственной власти. До 17 апреля 1905 г. российским подданным был запрещен переход из православия в неправославные исповедания и из христианских конфессий в нехристианские. Переходы из одних инославных христианских исповеданий в другие осуществлялись на большей части территории империи с разрешения Министерства внутренних дел. Прошения о перемене конфессии должны были подаваться желающими на имя министра «без всякого участия духовенства того исповедания, в которое они перейти желают»³⁶ (дабы исключить любой намек на запрещенный российскими законами межконфессиональный прозелитизм). На территории Кавказского края вероисповедные переходы разрешались главноначальствующим гражданской частью на Кавказе³⁷. Подобный порядок действовал до 19 апреля 1904 г., когда было издано высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об изменении порядка разрешения некоторых дел, восходящих на усмотрение Государя императора, а также разрешаемых в центральных правительственных установлениях». В соответствии с 31-й статьей этого узаконения дела о переходе лиц, принадлежавших к одному из инославных христианских исповеданий, в другое признанное в России инославное исповедание, передавались из ведения МВД и Главного Кавказского начальства в ведение губернаторов³⁸. Год спустя, 17 апреля 1905 г., был издан высочай-

³⁴ Религиозные общества реформатов (последователей ветви протестантизма, восходящей к Жану Кальвину) на большей части территории Российской империи были включены в организацию евангелическо-лютеранской церкви. Для решения дел, относящихся к реформатской конфессии, в составе евангелическо-лютеранских консисторий (коллегиальных органов, выполнявших управленческие и духовно-судебные функции) формировались особые реформатские заседания (СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. № 987, 992–994).

³⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 626. Л. 66–67.

³⁶ СЗРИ. Т. XI. Ч. 1 (изд. 1896 г.). № 6.

³⁷ См.: Там же. № 6. Прим. 1.

³⁸ См.: ПСЗ III. Т. XXIV. № 24381. Разд. I. П. 34.

ший указ «Об укреплении начал веротерпимости», в соответствии с которым впервые в российской истории был дозволен переход из православия в иные христианские исповедания, а при определенных условиях и в нехристианские религии³⁹. Регулирование подобных переходов циркуляром министра внутренних дел А. Г. Булыгина от 18 августа 1905 г. также было возложено на губернаторов⁴⁰.

Существовали, впрочем, особые случаи вероисповедных переходов, для которых (ни до ни после 1904–1905 гг.) не требовалось санкции светских властей. Так, например, принятие в лоно Армяно-Григорианской Церкви армяно-католиков⁴¹, согласно высочайшему повелению от 12 января 1852 г., осуществлялось непосредственно армянским патриархом-католикосом и не требовало разрешения гражданской администрации⁴². Также упрощенная процедура была установлена для перехода из одних протестантских конфессий в другие. В таких случаях вопрос решался на уровне приходских проповедников (пасторов), а государственная власть извещалась о совершившемся вероисповедном переходе лишь постфактум. Примечание к статье 779 Уставов духовных дел гласило: «Для перехода из одного Евангелическо-Протестантского исповедания в другое довольно, чтобы лица, сего желающие, представляли свидетельства проповедников прежних своих приходов об изъявлении ими сего намерения. Проповедники, принимающие их по сим свидетельствам в другое Протестантское исповедание, обязаны о всяком переходе сего рода доносить, чрез местную Консисторию, Министерству Внутренних Дел»⁴³. Примечательно, что в законе нигде не было точно указано, какие именно исповедания следовало относить к «евангелическо-протестантским». Это в некоторых случаях порождало недоумения у духовных лиц, чиновников и рядовых верующих. На практике под действие описанного упрощенного порядка обычно попадали четыре исповедания: лютеранское, реформатское, меннонитское и баптистское. На англиканскую конфессию правило о межпротестантских переходах обыкновенно не распространялось, видимо потому, что Англиканская Церковь не являлась чисто протестантской, а совмещала в себе элементы протестантизма и католицизма.

Присоединения англикан к узаконенным в России протестантским церквям, как правило, происходили общим порядком — по предварительному разрешению министра внутренних дел. К примеру, 17 ноября 1884 г. товарищ министра внутренних дел И. Н. Дурново известил Реформатское заседание Санкт-Петербургской евангелическо-лютеранской консистории об удовлетворении прошения артистки Императорского Мариинского театра Анны Бори-

³⁹ См.: ПСЗ III. Т. XXV. № 26125.

⁴⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 258. Л. 89.

⁴¹ Армяно-католиками именовались армяне, вступившие в унию с Римом. Они приняли римо-католическую догматику, но сохраняли традиционные армянские обряды и элементы канонического строя, присущие Армянской Апостольской (армяно-григорианской) Церкви.

⁴² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 258. Л. 15–16.

⁴³ СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. № 779. Примеч. (В редакции Уставов духовных дел от 1906 г. проповедникам предписывалось сообщать о совершившемся переходе из другой протестантской конфессии уже не МВД, а местным губернаторам.)

совны Латернер о разрешении перейти из англиканской веры в реформатскую⁴⁴. 24 февраля 1902 г. Министерством было вынесено положительное заключение по поводу прошения жены землевладельца Духовщинского уезда Смоленской губернии Анны Робертовны Гомберг о переходе из англиканского в лютеранское вероисповедание⁴⁵. 5 ноября 1903 г. МВД удовлетворило прошение проживавших в Риге супругов Макса и Берты Гиршфельдов, евреев, ранее принявших крещение в Варшавской англиканской часовне, об их присоединении к Реформатской Церкви⁴⁶. Но иногда возникали казусы, связанные с тем, что англиканство многими воспринималось как одно из направлений «евангелического протестантизма» (причем особенная близость существовала между англиканской и реформатской церквями). Сами англикане, присоединяясь к реформатским и лютеранским приходам, возможно, даже не воспринимали этот шаг как перемену религии, не усматривая принципиальной разницы между своим вероисповеданием и вероучением российских протестантских церквей. По-видимому, такие переходы объяснялись нередко желанием русских подданных англикан устранить затруднения в своем правовом положении, связанные со сложностью оформления актов гражданского состояния в церкви, которая не была интегрирована в российскую государственную систему. Упомянутые выше супруги Гиршфельд в поданном ими прошении мотивировали свое желание присоединиться к реформатству незнанием английского языка, на котором велось англиканское богослужение (в то время как в Реформатской Церкви оно совершалось на понятном им немецком)⁴⁷.

Рассматривая англиканство как ветвь протестантизма, некоторые российские пасторы считали возможным принимать англикан в свои приходы без получения соответствующего разрешения от министра внутренних дел. Так, например, 17 февраля 1894 г. Реформатское заседание Лифляндской евангелическо-лютеранской консистории сообщило в МВД о том, что пастор реформатской церкви в Риге принял в свой приход купца второй гильдии Николая Иоханна Стемберга, ранее принадлежавшего к англиканскому вероисповеданию. При этом давалась ссылка на цитированное выше положение закона о правилах переходов между различными протестантскими конфессиями, которое, по мнению Реформатского заседания, распространялось в том числе и на Англиканскую Церковь⁴⁸. Министерство, однако, сочло действия пастора неправильными. В резолюции товарища министра внутренних дел генерал-лейтенанта сенатора Н. И. Шебеко говорилось, что «англиканское исповедание не принадлежит к числу евангелических исповеданий», и, следовательно, присоединение его приверженцев к Реформатской Церкви не находится в компетенции приходского проповедника, а должно осуществляться на основании общих правил, с санкции МВД. Товарищ министра предлагал Реформатскому заседанию поставить

⁴⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 508. Л. 5.

⁴⁵ Там же. Л. 33–34.

⁴⁶ Там же. Л. 46–50.

⁴⁷ Там же. Л. 46.

⁴⁸ Там же. Л. 7.

пастору на вид допущенное им нарушение и впредь при приеме в свой приход лиц англиканского исповедания строго придерживаться предписаний закона⁴⁹.

Англиканские общины были лишены некоторых преимуществ, которыми пользовались приходы инославных церквей, признанных на законодательном уровне и включенных в систему российских государственных институтов. Так, в 1882 г. МВД отклонило прошение духовенства московской англиканской церкви о дозволении повесить при этой церкви колокола. В качестве основания Министерством было указано, «что иметь колокола дозволяется только тем иноверным церквам, которые признаются нашим законодательством в числе наших национальных учреждений»⁵⁰.

Обладая в России экстерриториальным статусом, англиканские приходы не имели прав юридического лица и потому не могли приобретать собственность на свое имя. Фактически собственность ими приобреталась, но оформлялась она на имя частных лиц, являвшихся прихожанами данной церкви. Сами российские англиканские общины тяготились неопределенностью своего юридического статуса. В июне 1905 г. Комитет Великобританской церковной общины в Одессе направил через одесского градоначальника прошение министру внутренних дел А. Г. Булыгину об испрошении высочайшего соизволения на утверждение устава этой общины и разрешение ей владеть собственностью. В прошении обращалось внимание на «неправильный и неудовлетворительный способ владения имуществом Англиканской церкви в г. Одессе»⁵¹. А именно церковное здание и земля были приобретены в 1899 г. на имя группы лиц — «комитета» в составе священника, двух церковных старост и пяти избранных общиной представителей⁵². Как отмечалось в прошении, указанные лица «приобрели это недвижимое имущество собственно для нужд Одесской Англиканской церкви, без всякого желания извлечь из этого какие-либо выгоды»⁵³. Комитет англиканской общины желал, чтобы община получила право юридического лица и могла бы оформить на свое имя владение имуществом, которым фактически пользовалась. 28 июля того же 1905 г. Министерство иностранных дел известило МВД о том, что ходатайство одесской общины поддержал британский посол. Однако Министерство внутренних дел не сочло возможным удовлетворить это ходатайство, «находя, что англиканские общины не могут пользоваться правами юридических лиц, а следовательно, не могут приобретать или отчуждать недвижимое имущество, и что утверждение устава этой общины также не может последовать за непризнанием за англиканской церковью в России гражданских прав»⁵⁴.

Вместе с тем Министерство «признало соответственным воспользоваться возбуждаемым Комитетом Англиканской общины в Одессе ходатайством для вступления с Великобританским посольством в переговоры для выработки надлежащих установлений, определяющих положение означенных (англи-

⁴⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 508.. 10–11.

⁵⁰ Там же. Оп. 133. Д. 1017. Л. 150.

⁵¹ Там же. Оп. 5. Д. 939. Л. 2 об.

⁵² Там же. Л. 6.

⁵³ Там же. Л. 2 об.

⁵⁴ Там же. Л. 143–143 об.

канских. — *И. А.*) церковей в России, — обусловив предоставление просимых Одесскою общиною прав подчинением в некотором отношении этих церковей Министерству Внутренних Дел». Подчинение это, по мнению МВД, могло быть осуществлено двумя способами. Первый путь предполагал «издание особого положения об управлении англиканской церкви в России, с точным определением ее устройства, прав и порядка управления ее делами». Тем самым Англиканская Церковь обрела бы тот же статус, который имели в России Римско-Католическая, Евангелическо-Лютеранская и Армяно-Григорианская Церкви, духовное управление и внутреннее устройство которых регулировались государственным законом, а иерархия и духовенство включены в систему государственного аппарата империи.

Второй возможный путь, с точки зрения МВД, заключался в том, чтобы, «не касаясь вопроса об устройстве собственно англиканских церковей и предоставив определение порядка управления их делами самим общинам, ограничиться подчинением их лишь общим правилам о порядке разрешения построек церковей иностранных исповеданий, их прав на владение имуществом и ведения метрических книг»⁵⁵. В таком случае англиканские общины в России обрели бы права, сходные с теми, какими обладали баптисты, относительно которых закон ограничивался лишь общей формулой о предоставлении им права «беспрепятственно исповедовать свое вероучение и исполнять обряды веры по существующим у них обычаям»⁵⁶, без какого-либо регламентирования внутреннего устройства баптистских религиозных обществ. Указанные соображения были высказаны Министерством внутренних дел в отношении для Министерства иностранных дел от 19 февраля 1906 г. В ответ Министерство иностранных дел высказалось за предпочтительность первого варианта решения вопроса, то есть за издание особого положения об Англиканской Церкви по образцу уставов других инославных церковей, полагая, что «организация англиканской церкви на этих началах представлялась бы более соответственной ее действительному положению вообще и в частности в России, чем приравнивание ее к общинам баптистов и прочих инославных сект»⁵⁷.

Однако эти пожелания, высказанные в служебной переписке между министерствами, так и остались пожеланиями. Вплоть до самого падения русской монархии никаких изменений в правовом положении российских англиканских приходов не произошло: они продолжали существовать под покровительством британского посольства, не имея статуса юридического лица. Лишь совсем незадолго до революции 1917 г. в Министерстве внутренних дел был разработан проект Положения об англиканских епископальных церковных общинах. Он был ближе скорее ко второму, чем к первому варианту решения англиканского вопроса, из предположенных Министерством в 1907 г. Никакой общероссийской церковной структуры для управления духовными делами англикан данным проектом не предусматривалось (от этой идеи решено было отказаться по причине

⁵⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 939. Л. 144 об. — 145

⁵⁶ СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. № 1100.

⁵⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 939. Л. 145 об.

малочисленности англикан в России и преобладания среди них иностранных подданных).

Вместе с тем, согласно проекту, англиканам дозволялось учреждать на местах, с разрешения Министерства внутренних дел, собственные церковные общины, которые получали права юридических лиц, в том числе право владения имуществом. Делами каждой общины должно было заведовать общее собрание прихожан, а решение текущих вопросов возлагалось на избираемый собранием Совет общины (так же, как это было предусмотрено для общин старообрядцев и русских сектантов, получивших возможность легализации в соответствии с высочайшим указом 17 октября 1906 г.). Общины получали право «приглашать соответствующих лиц к занятию духовных должностей». Духовные лица англикан приобретали привилегии духовного сословия, которыми пользовались священнослужители всех легализованных христианских церквей, а также обязывались «исполнять требования судебных и иных правительственных властей <...>, как, например: подвержение осужденных церковному покаянию, явка в суд для привода к присяге, и т. п.» При этом ведение книг гражданского состояния для англикан предполагалось возложить не на их священников, а на гражданские инстанции — в городах на городские управы или на городских старост, в уездах на волостные правления⁵⁸. В силу захлестнувших вскоре страну революционных катаклизмов указанный проект, носивший по сути лишь черновой характер, так и не получил правительственного утверждения и не был представлен на рассмотрение законодательных палат.

Следует отметить, что экстерриториальным статусом, аналогичным статусу англиканских приходов, обладали голландский реформатский приход в Санкт-Петербурге, состоявший под патронажем нидерландского посольства (в отличие от немецкого и французского приходов того же исповедания в северной столице, подчинявшихся Реформатскому заседанию Санкт-Петербургской евангелическо-лютеранской консистории)⁵⁹ и санкт-петербургский пресвитерианский приход при американском посольстве⁶⁰. Однако вопрос об упорядочении правового положения этих общин был не столь острым, как вопрос об Англиканской Церкви, видимо в силу их относительной малочисленности и меньшей укорененности в российском обществе.

Кроме того, повышенное внимание российских чиновников к проблемам именно Англиканской Церкви в начале XX в. можно объяснить усилившимися тогда надеждами на сближение англиканства с православием. В то время подобные надежды разделялись многими представителями светской и церковной власти Российской империи. В 1912 г. было даже создано Русское общество ревнителей сближения Англиканской Церкви с Православной, в числе учредителей которого были архиереи Православной Российской Церкви: архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), епископ Холмский Евлогий (Георгиевский) и епископ Якутский Иннокентий (Пустынский). Святейший Синод в своем определении от 14–16 января 1912 г., утверждавшем устав данного обще-

⁵⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1017. Л. 157–161.

⁵⁹ Там же. Оп. 5. Д. 937. Л. 15–16.

⁶⁰ Там же. Д. 939. Л. 97.

ства, назвал его учреждение «весьма желательным»⁶¹. Как отмечалось в записке Н. Н. Бордоноса, епископ Бьюри, посещавший незадолго до революции Москву и Петроград, «в полном облачении присутствовал в православном храме на богослужении и приложился к святым мощам»⁶². Еще одним фактором, обуславливавшим благожелательное отношение к Англиканской Церкви, были союзнические отношения России и Великобритании в годы Первой мировой войны. Указанные обстоятельства, несомненно, должны были способствовать позитивному решению вопроса об урегулировании статуса российских англиканских общин. Однако революция, сломавшая весь государственно-правовой порядок императорской России, в том числе существовавшую систему государственно-конфессиональных отношений, сделала этот вопрос неактуальным.

Ключевые слова: Англиканская Церковь, инославные исповедания, протестантизм, религиозная политика, приход, метрические книги, бракоразводные дела, Великобритания, российско-британские отношения, экуменическое движение.

ANGLICAN CHURCH IN THE RUSSIAN EMPIRE (LATE XIX — EARLY XX CENTURY)

I. AMBARTSUMOV

In the article state of Anglican religion in the Russian Empire of the late XIX — early XX century is observed, information about the number of parishes and their location, number of church members and proportion of Russian and British subjects among them is given. The specific status of Russian Anglican parishes (not included into the common imperial system of non-Orthodox church management but using the extraterritorial status under the auspices of the British embassy) is shown. Legal problems, which faced Anglicans residing in Russia due to extraordinary status of their church are described (such as difficulties with testifying of parish registers and solution of divorce cases, indefinity of the procedure of conversion from Anglican Church to other Protestant denominations, impossibility for Anglican parishes to obtain property in their own favour). The attempts of the problems' regulation by Russian authorities by making the specific law for Anglican religion are written down; the law was to subordinate Anglican church to the Ministry of Internal Affairs on equal terms with other non-Orthodox Christian denominations in Russia. The ecumenical contacts between Anglican and Orthodox church and their possible influence over Russian government's policy towards Anglican religion are touched upon. The article is based on the materials of Russian State Historical Archive, it includes references to the essay "Anglican Episcopal Church"

⁶¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1017. Л. 20.

⁶² Там же. Л. 153 об.

by S.D. Bondar, published in 1911 and articles in modern scientific and encyclopedic editions, concerned with the Protestant denominations in Russia.

Keywords: Anglican Church, non-Orthodox churches, Protestantism, religious policy, parish, parish registers, divorce cases, Great Britain, Russian-British relationships, ecumenical movement.

Список литературы

1. *Бобылев А., Штриккер Г.* Евангелическо-Лютеранская Церковь // Немцы России: Энциклопедия. М., 1999. Т. 1 (А–И). С. 750–757.
2. *Бондарь С. Д.* Англиканская Епископальная Церковь: Записка. СПб., 1911.
3. *Краснокутская Л. И.* Из истории шотландской колонии Каррас // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время: Тезисы конференции 30–31 мая 2000 г. Пятигорск, 2000. С. 111–114.